

УДК 17

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЕЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет

E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматривается континуальное измерение проблемы. Доказывается, что континуальность проблемы свидетельствует о смысловом приоритете познания перед истиной.

Современная трактовка познания связана с поиском новых способов его интерпретации, где гносеологический подход рассматривается в качестве одного из возможных. Актуализируются онтологический, аксиологический, эстетический и т. д. аспекты познания. Примеры такого рода исследований можно наблюдать в рамках различных философских подходов: философии языка, когнитологии, философии тела, семиотики, герменевтики и т. д. Все это свидетельствует о наличии более широкой трактовки познавательной деятельности, которая уже не может удовлетвориться лишь гносеологическим аспектом. Для познания востребованы и другие способы его понимания.

В связи с подобным характером развития философских представлений о познании возникает вопрос о статусе форм познавательной деятельности, через которые как раз более удобно отмечать результаты происходящих изменений. Главное заключается даже не столько в том, чтобы констатировать изменения, сколько в понимании того, почему эти изменения случились, чем они обусловлены, как они отразятся на понимании роли и значения самого человека в познании?

Одна из ключевых форм познавательной деятельности — проблема, которая является началом познания, его императивной и эвристической силой и одновременно той характеристикой знания, которая должна быть устранена, элиминирована из познания. Указанные черты проблемы демонстрируют прежде всего ее гносеологическую сущность, что в контексте обозначенной трансформации познания требует иных способов оценки. Статья направлена на то, чтобы исследовать и понять статус проблемы в условиях «широкой» интерпретации познания, неограниченной одной лишь гносеологической трактовкой. Важно выявить, что представляет собой проблема в современном видении познания, каковы смысловые значения ее нового понимания?

Для начала следует уточнить трактовку проблемы, ее статуса в контексте традиционного (классического) познания. Как уже отмечалось, проблема играет значительную роль в рамках классической схемы познания. Она выступает в качестве одной из основополагающих форм познания, что проявлялось в необходимости ее обнаружения и постановки, без чего невозможно получение нового знания. Важным в статусе проблемы было то, что в результате по-

лучения нового знания она устранялась, элиминировалась как бы сама собой. Иными словами, проблема представляла выражение временного состояния познания и знания: от начала исследования и до его завершения. Главной характеристикой проблемы являлась ее темпоральность, в этом и заключалась особенность ее гносеологического понимания.

Подобная промежуточность проблемы (ее временное присутствие в познании) было связано с тем, что она обуславливалась субъективной природой. Проблема — это особенность субъективной реализации познания. Субъект как начало, осуществляющее познание, должен был таким образом постигать объект, чтобы в конечном итоге был представлен в своем «зеркальном» отображении, а сам субъект должен исчезнуть из знания об объекте. Проблема являлась свидетельством того, что субъективность в познании еще присутствует, но присутствие это временное.

Как это ни парадоксально, но классическое познание исключает время из структуры познания. Исключает в том смысле, что не допускает каких-либо темпоральных изменений по отношению к объекту. Объект рассматривается постоянно как неизменный, а изменения и время обусловлены лишь субъективным участием, да и то не навсегда. Как пишет Л.А. Микешина, «в традиционной теории познания, складывавшейся под влиянием идеалов, критериев, образцов естественно-научного знания, по существу, отвлекались от времени как и лежащей в ее основании ньютоновской картины мира, любой момент времени в прошлом, настоящем и будущем был неотличим от любого другого момента времени. Соответственно, рассмотрение чувственного и логического познания, категорий субъекта и объекта, природы истины и других проблем осуществлялось в теории познания, как правило, без учета времени. Это означало, что от всех временных признаков, свойств, определяемых временем, отвлекались, «очищая» познание, еще со времен Декарта, от всех изменяющихся, релятивных моментов» [1. С. 528].

Знание в классическом познании характеризуется исключительно объективным образом, что не допускает иных источников его формирования, которые можно было бы признать достоверными. Отсюда понимание знания как объективного и абсолютно истинного, что, в свою очередь, также исключает аспект темпорального включения в него. Наоборот,

относительность знания, его «временность» свидетельствует об его проблемности, а, следовательно, о пересмотре и устранении из познания.

Время рассматривается как исключительно субъективная характеристика большинством из представителей философии, связанных с классическим пониманием познания. Конечно, нельзя говорить об идентичности трактовок времени и познания, но в них присутствует некая общая линия, свидетельствующая о том, что время характеризует скорее процесс познания, а не его результат. Оно либо характеристика продолжительности, говорящая о порядке получения знания у Д. Локка [2. С. 237–238], либо характеристика последовательности изменяющихся объектов у Д. Юма [3. С. 97], либо априорная форма сознания у И. Канта. Особенно субъективная природа времени четко обозначена И. Кантом. У него «время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение и, стало быть, оставалось бы, если отвлечься от всех субъективных условий созерцания вещей... Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния ... Время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания ... и само по себе, вне субъекта есть ничто» [4. С. 57–58].

Субъективная трактовка времени в познании и определяет темпоральность проблемы. Проблема временна, поскольку познание реализуется через призму противостояния субъекта и объекта. Его цель — познать объект таким, какой он есть. Все остальное вторично, т. е. для познания не важны цели и содержание субъективной реальности, средства, которые используются в познании. Все это обусловлено субъект-объектным отношением, которое играет доминирующую роль в рамках классической схемы познания.

Современное понимание познания уже не может быть удовлетворено доминированием субъект-объектного отношения (опустим рассмотрение причин этого факта). Во-первых, потому что это отношение строится на противопоставлении субъекта и объекта в познании, тогда как познание — это скорее их взаимодействие. Во-вторых, это отношение игнорирует субъекта, не учитывает его роль и значение в познании, что исключает из сферы познавательной деятельности достаточно значительный пласт реальности. Поэтому для познания сегодня не менее значимы субъект-субъектные, объект-объектные отношения. Но это отношения, которые характеризуются не гносеологическим образом. Объект-объектные отношения, как и субъект-субъектные отношения в своей основе онтологичны, что нельзя не учитывать при исследовании познания. Познание осуществляется в пространстве субъекта, объекта, их взаимоотношений друг с другом и в рамках себе подобных, оно укоренено в эту действительность. Поэтому гносеологическая трактовка познания, понимаемая как деятельность субъекта по исследованию объекта,

исключенного из контекста своей жизнедеятельности, представляет собой достаточно ограниченный подход к этому феномену.

Кроме того, субъект и его темпоральность также не могут не учитываться в рамках познания. Ведь в отличие от классического познания, где различные временные отрезки (прошлое, настоящее, будущее) содержательно не отличались друг от друга, современная модель познания видит отличие одного временного промежутка от другого. Она видит различие как в хронологической последовательности времен, так и в индивидуальном переживании времени. Подобная характеристика субъективности времени играет существенную роль для познания, так как демонстрирует смену установок субъекта, которая не может не сказаться на результатах познавательной деятельности.

Иными словами, для современного познания субъект-объектное отношение не является определяющим, а вопрос о способах его преодоления в познании остается актуальным. Познание характеризуется как «живой» процесс, где субъект и объект взаимодействуют, взаимопроникая друг в друга. Тем самым возникает необходимость осмысления значимости такой интерпретации познания и места проблемы в нем.

Очевидно, что происходящая смена понимания сущности познания не может не сказаться на статусе проблемы. Допущение субъекта в познание на уровне методологических оснований и результатов предполагает темпоральность («временность») как одну из характеристик знания. Однако темпоральность теперь не следствие временности пребывания, а следствие временности результата, что не означает его (результата) слабости. Проблема в таком случае также не предполагает своей элиминации, а характеризуется постоянным присутствием в познании, несмотря на свою темпоральность. По мнению автора статьи, проблема обретает континуальность в качестве своей характеристики, указывающей на онтологический статус последней. Что это означает для познания, что представляет собой проблема в онтологическом измерении, какова тогда цель и сущность познания — вот основные ключевые моменты для рефлексии констатируемых изменений. Чтобы разобраться в этих вопросах имеет смысл обратиться к философии Ж. Делеза по причине того, что он рисует образ познания, исключаящий приоритет субъект-объектных отношений.

Для Ж. Делеза познание — фундаментальный процесс (онтологический). Ж. Делез не рассматривает познание через субъект-объектные отношения, ибо последние у него находятся по одну сторону границы между знанием и хаосом. Субъект и объект — не главные персонажи познавательной деятельности, они — одни из участников. Их разделенность и противостояние не актуальны, ибо они оба противостоят единому началу — хаосу. Хаос — это единая, универсальная сфера, которая одинаково угрожает и субъекту, и объекту, готова их поглотить. Одновременно хаос выступает основой познания, поскольку все типы позна-

ния (философия, наука, искусство) возникают из хаоса, существуют благодаря взаимодействию с ним. Ж. Делез пишет: «Все, что нам нужно, — немного порядка, чтобы защититься от хаоса. Нет ничего более томительно-болезненного, чем мысль, которая ускользает сама от себя, чем идеи, которые разбегаются, исчезают, едва наметившись, изначально разъедаемые забвением или мгновенно оборачиваясь иными, которые тоже не даются в руки» [5. С. 256]. Это свойственно как сознанию и идеям, так и материальному миру и вещам (субъекту и объекту). Поэтому для познания принципиально противостояние хаосу, поскольку в обратном случае познания не будет.

Субъект и объект должны быть обращены друг на друга, чтобы порождать знания, мнения, благодаря которым и возможно упорядочивание хаоса. Если же одно будет исключать другое, то тогда наше знание и мнение будут поглощены хаосом. Это не просто, достижение подобного сложно, но это необходимо. «При встрече вещей и мысли как залог или свидетельство их согласованности должно воспроизводиться одно и то же ощущение — ощущение тяжести ... Все это необходимо нам, чтобы составить себе мнение, это как бы «зонтик», которым мы прикрываемся от хаоса» [5. С. 257].

Устремленность субъекта и объекта друг к другу, их взаимная нацеленность актуализирует проблему. Проблема констатирует момент этой взаимосвязанности. Она, по сути, подменяет собой субъекта и объекта, выступая референтом их взаимодействия. Проблема свидетельствует о готовности субъекта и объекта к противостоянию хаосу. Ибо непроблемное состояние взаимодействия, строящееся на исключении одного из начал (солипсизм или позитивизм), не способно противостоять хаосу. Готовность же противостоять хаосу требует для проблемы постоянного места в процессе познания, что и приводит к континуальному пониманию последней. Для проблемы в познании главное — обозначить не столько качество соотношения субъекта и объекта, хотя эта функция не снимается, так как гносеологический аспект также важен, сколько выявить место, где обозначенное взаимодействие требует своего усиления или изменения в процессе противостояния хаосу. Проблема выражает не только готовность эволюционировать, менять контекст взаимодействия, но и изменение места противостояния хаосу. Не случайно Ж. Делез приходит к образу геофилософии, что позволяет ему демонстрировать континуальное измерение не только вещей, но и функционирования мысли в целом.

Континуальность познания демонстрирует поверхность, вторичность субъекта и объекта познания даже по отношению к проблеме, которая ими порождается. По сути, Ж. Делез утверждает, что проблема имеет большую укорененность в мире, чем субъект и объект, ибо она связана с мыслью, которая не есть порождение субъекта, а самостоятельное явление, имеющее свою «почву», свое основание. Субъект и объект лишь касаются мысли, но не затрагивают ее сущность. Только через континуальность проблемы эта сущность может быть осмыслена, ибо

проблема позволяет определить «место» функционирования мысли, ее территорию. Ж. Делез пишет: «Понятия субъекта и объекта не позволяют подойти вплотную к существу мысли. Мысль — это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли» [5. С. 110]. В этом смысле субъект и объект, их взаимная соотношенность скорее не результат их активности, а следствие идущего в глубине процесса познания, о чем свидетельствует проблема, которую субъект и объект обозначают через свое взаимодействие.

Проблема характеризует мысль в ее континуально-темпоральном функционировании, что проявляется в процессе смены ее территориальных границ и времени актуализации, обозначающем каждый раз момент изменений. Если в классическом познании проблема выражает границу между субъектом и объектом, то у Ж. Делеза проблема выражает границу между землей и территорией, где рождается и развивается мысль. Проблематизация проявляется через процессы детерриториализации и ретерриториализации, которые характеризуют сущность отношений земли и территории. Границы эти условные как в рамках классического познания, так и в понимании познания Ж. Делезом. «Земля — это не стихия среди прочих стихий, она замыкает все стихии в единых объятиях, зато пользуется той или другой из них, чтобы детерриторизовать территорию. Движения детерриториализации неотделимы от территорий, открывающихся вовне, а процессы ретерриториализации неотделимы от земли, которая восстанавливает территории. Таковы две составляющих — территория и земля, а между ними две зоны неразличимости — детерриториализация (от территории к земле) и ретерриториализация (от земли к территории)» [5. С. 111]. Смена территорий — это природа проблемы, которая формируется в контексте «зон неразличимости». В этом слабость и сила мысли, которая и укоренена, и не укоренена (мобильна) одновременно. Проблема характеризует мысль и обозначает сферу пребывания мысли, но обозначает ее как сферу неразличимости. Это место, где мысль существует и не существует одновременно. Подобным образом можно обозначить познание как сочетание порядка и хаоса, когда мысль фиксируется, обнаруживает свою территорию и в то же время улетучивается, исчезает. Зона неразличимости выступает как сфера-посредник между хаосом и мыслью, это та сфера, где познание обретает смысл.

Посредническая природа сферы проблемы предполагает наличие предварительного познания, т. е. это еще не самопознание, но как бы то, что реализуется в качестве его репетиции. Познание, прежде чем выйти на поверхность, осуществляется само по себе и уже в готовом виде предстает перед нами в случае постановки нами проблемы. Проблемы в классическом понимании, в гносеологическом значении. Проблема же в трактовке Ж. Делеза остается в том месте, где она возникла, а если мы сталкиваем-

ся с необходимостью продолжить познание, то значит, что мы нашли другую проблему и переместились в другое место. В этом, кстати, особенность географического понимания познания, когда мы не решаем проблему в хронологическом плане, оставляя ее в прошлом, а перемещаемся в другое место, сохраняя за предыдущей проблемой ее территорию. Континуальность проблемы заключается в том, что каждая проблема характеризуется своим пространством, а познание осуществляется не как путешествие во времени, а как путешествие по территориям. Это позволяет в познании каждый раз искать собственный смысл, а не смысл, который когда-то был найден кем-то. Мы не можем познавать за кого-то, мы можем познавать только за себя, находясь каждый раз в конкретном месте, даже если оно характеризуется как зона неразличимости.

В этом смысле может существовать идея о необходимости противопоставления темпорального и континуального понимания проблемы. Автор полагает, что противопоставлять эти подходы не следует, так как они дополняют друг друга. Темпоральность проблемы в контексте онтологического статуса демонстрирует особенность ее состояния в определенный момент. Темпоральность констатирует место пребывания в определенное время, а не временный статус проблемы. Темпоральность проблемы вовсе не означает последовательность решений проблем, их появление, смены друг другом, а характеризует особое время каждой из них. Правда, следует отметить, что такое понимание темпоральности проблемы есть следствие ее обусловленности континуальностью. Континуальность проблемы предполагает ее укорененность в мире, признание за ней своего пространства, где она пребывает.

Континуальность проблемы как особенность ее онтологического статуса важна у Ж. Делеза не сама по себе. Подобное понимание обусловлено глубокой трансформацией традиционных представлений о познании. По сути, речь идет о смене приоритетов, когда истина снижает актуальность своей интерпретации как отображения познаваемого объекта, а повышает свое значение как способ поиска смысла. Это связано как раз-таки с включением субъекта и субъект-субъектных отношений в структуру познания. Ведь, что значит для человека (субъекта) абсолютное отображение объектов знаний. С точки зрения смысла его жизни, ничего. Происходит констатация определенных характеристик и свойств объекта, в результате чего объект «умерщвляется» (ведь он вырывается из контекста всех своих отношений). А так для человека этот процесс остается бессмысленным. Другое дело, видеть в процессе познания какой-то важный смысл. Например, смысл в том, что человек развивается, совершенствуется в процессе взаимодействия с объектом, миром, что предполагает познание. Но это взаимодействие должно быть живым, становящимся, иначе человек и объект «поглощаются хаосом». Разве классический объект не есть поглощенный хаосом предмет, ведь он статичен и неизменен, следовательно, абсолютно не способен противостоять хаосу.

Укорененность познания в мире, его самоосуществленность как способность мысли самоорганизоваться предполагает необходимость сферы, места, где этот процесс реализуется, где он обретает смысл. Познание не может идти в человеке без обращенности к «другому», даже если этот «другой» — сам человек. Необходима среда, территория, где возникает инобытие человека и вещи, где они уже взаимопроникают друг в друга, создавая порядок в противовес хаосу. Такой территорией, сферой выступает проблема, образуя зону неразличимости, позволяющую свободно функционировать в ее рамках мысли и хаосу. Проблема в своем континуальном измерении обретает смысл цели для познания, когда важно не просто отобразить что-то, а быть нацеленным на постоянное переотображение, на постоянное переосмысление мира. Не случайно, что Ж. Делез использует особых носителей для постоянной реализации познавательной деятельности, которые в отличие от субъекта носят укорененный в пространстве и времени характер, выражая проблемное измерение познания (концептуальный персонаж и частичный наблюдатель). Их посредническая природа выражает особое место проблемы в познании — это место «между». В этом основная смысловая сущность континуального измерения проблемы.

Смысл — вот территория проблемы, которая в континуальном измерении исключает субъект-объектное противостояние. Субъект и объект порождают проблему через определение истинности или ложности. Смысл же нейтрален к истине и лжи, он не исключает ни то, ни другое, для него оба фактора значимы. Проблема в этом отношении и выражает смысл, так как в ее измерении и истина и ложь равнозначны. Ни истина, ни ложь в проблеме не исключаются, а сохраняются. Посредническая функция проблемы констатирует ее сохранение и в качестве смысла, и в качестве места познания. А это без ее континуального понимания невозможно. Как пишет Л.А. Маркова, «истина и ложь в логике Делеза, когда они относятся к проблеме, полностью меняют свое содержание, место истины заменяет категория смысла. Решение рождается именно в тот момент, когда проблема самоопределяется в пространстве и времени, и в этих решениях проблема продолжает существовать, в том числе и после того, как ведущую роль начинает играть другая проблема» [6. С. 373–374]. Иными словами, проблема обозначает смысл, выступает условием познания в контексте его противостояния хаосу.

Таким образом, можно констатировать, что современная трактовка познания (на примере геофилософии Ж. Делеза) востребует континуальное измерение проблемы как условие реализации ее онтологической функции. Континуальность проблемы не ее темпоральное измерение, но меняет характер его функционирования. Континуальность проблемы обуславливает не только эвристические функции познания, но и актуализирует экзистенциальную сторону этой деятельности в условиях его реализации под влиянием хаоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс, 2002. – 624 с.
2. Локк Д. Соч. в трех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
3. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. – М.: Прогресс, 1995. – 400 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь: Реноме, 1998. – 528 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
6. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж. Делез и постмодернизм в философии, науке, религии. – М.: Канон+, 2004. – 384 с.

Поступила 20.03.2006 г.

УДК 009

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Ю.А. Никитина

Томский политехнический университет
E-mail: july_nikitina@mail.ru

Показано, что развитие качественно новых сторон инновационной активности, характерное для самоорганизующихся социальных систем, является ключевым фактором, определяющим возможности их адаптации к нестабильной внешней среде.

Нарастающая нестабильность и динамика внешней среды стала в современных условиях неотъемлемым фактором, в значительной степени определяющим особенности функционирования и развития социальных систем. В то же время, она не только способствует возникновению качественно новых возможностей, но и влечет за собой формирование целого комплекса дополнительных проблем. В этом комплексе одно из важнейших мест занимает проблема повышения адаптационных возможностей социальных систем к сложной и динамичной внешней среде. Успешно адаптирующейся является система, которая осуществляет постоянные изменения, необходимые для выживания и развития во внешней среде; а сама адаптация представляет собой приспособление системы к изменившимся условиям. Традиционно, адаптирующиеся системы делятся на самонастраивающиеся и самоорганизующиеся. Самонастраивающиеся системы в качестве реакции на изменения внешней среды меняют параметры своего функционирования без изменения внутренней структуры системы; самоорганизующиеся системы в той же ситуации способны перестраивать свою внутреннюю структуру. Так, например, для социальных систем структурные изменения могут выражаться в виде модификации системы управления, изменения внутренних связей системы и т. д.

Адаптирующаяся система способна более успешно преодолевать кризисы, обусловленные ее внутренней динамикой или изменением внешней среды. В современных условиях адаптирующиеся социальные системы характеризуются, как правило, многообразием видов составляющих их элементов, гибкостью отношений и связей, децентрализованным принятием решений и ориентацией на вне-

шнюю среду. Адаптирующаяся социальная система меньше нуждается в корректировке, а если это все же необходимо, она более успешно достигает поставленной цели, чем системы, не обладающие высоким уровнем адаптационных возможностей.

Способности социальной системы к адаптации в значительной степени определяют возможный спектр моделей ее поведения в нестабильной внешней среде. Наиболее значимыми в настоящее время являются следующие подходы к анализу адаптационных возможностей социальных систем [1]. С позиций первого подхода адаптирующаяся система характеризуется определенным единообразием, что означает, что сущность системы проявляется на всех ее уровнях. В данном случае уместна аналогия с фрактальной системой, в которой один и тот же геометрический рисунок воспроизводится в уменьшенном масштабе по всей системе.

В соответствии с другим подходом, социальная система функционирует как единый организм. Так же, как клетки, отличаясь друг от друга по своему функциональному назначению, содержат, тем не менее, всю необходимую для выживания и развития информацию об организме, так и подсистемы социальной системы, несмотря на различие их природы и связей, содержат общую информацию о системе и подчинены единой цели выживания и развития.

Хотя между данными подходами существуют принципиальные различия, общим для них является признание в качестве неотъемлемой черты адаптирующейся социальной системы наличие во всех ее подсистемах и элементах объединяющего начала, отражающего ее сущность. В качестве такого начала могут, например, выступать: цель функцио-